

Шипилов Михаил Юрьевич
Иркутский государственный университет
г. Иркутск, Российская Федерация
ironhawk1123@gmail.com

Что-то *типо* ошибки: орфографическая норма против лингвистической интуиции

Аннотация

В статье рассматривается зависимость некодифицированного написания *типо*, распространённого в неофициальной интернет-коммуникации, от грамматических и лексико-семантических особенностей обозначенных им предлога и частицы. Материалом для исследования послужила контекстная база, состоящая из 320000 личных сообщений из социальных сетей. Было выявлено две разновидности предложной конструкции *Sx тина Su*, отражающие идентификацию нового явления и объединение однородных существительных в открытый ряд соответственно; с помощью компонентного анализа были сформулированы значения данных разновидностей. Выделено 6 функционально-семантических типов употребления частицы *тина*, различающихся по результату отражаемого данной частицей процесса соотнесения и характеру соотносимых существительных. Было установлено, что использование производной единицы *тина* обусловлено действием когнитивных механизмов соотнесения и группировки, важных для познания и систематизации знаний о действительности, и что при этом предлог и частица, в отличие от производящего имени существительного *тин*, употребляются для вербальной фиксации актуальной когнитивной деятельности, а не её закреплённых в сознании результатов. Описана дискурсивная природа частицы *тина*, заключающаяся в том числе в способности данной единицы маркировать затянувшийся подбор языковой формы для ищущей выражения мысли. Сделан вывод о частичной дестимологизации предлога и частицы типа вследствие их специфического функционально-семантического развития, что в совокупности с системностью при соблюдении написания *типо* некоторыми интернет-пользователями и теоретическим характером соответствующей орфограммы свидетельствует о восприятии данного графического облика как единственно правильного для обозначения дестимологизированных служебных слов.

Ключевые слова: предлог, частица, функционально-семантический тип употребления, частичная дестимологизация, некодифицированное написание, теоретическая орфограмма

© Шипилов М. Ю. 2023

Для цитирования: Шипилов М. Ю. Что-то *типо* ошибки: орфографическая норма против лингвистической интуиции // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 3. С. 182–202. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_3_182

Mikhail Yu. Shipilov
Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation
ironhawk1123@gmail.com

Kind of a misspelling: Orthographic norm versus linguistic intuition

Abstract

The article studies the relation of the non-canonical spelling *tipo* being widespread in informal online communication to grammatical and lexical-semantic features of the corresponding preposition and the particle. 320000 messages from social networks were selected as the material for the study. Two varieties of the

prepositional pattern *Sx tipa Sy* were found to reflect identification of the new phenomenon or combination of similar entities in an open sequence correspondingly. Six functional-semantic patterns containing the particle *tipa* were discovered to differ in result of the correlation process reflected by the particle and in the nature of correlated entities. It is found that the use of derivative preposition and particle *tipa* is caused by actualization of such cognitive operations as correspondence and combination vital for cognition and systematization of knowledge, and it is proven that unlike the stem noun *tip*, the preposition and particle *tipa* are used to verbally represent actual cognitive activity rather than its distinct results. It is argued that the particle *tipa* can be a discourse marker that signifies the process of selecting a word or combination of words that match the initial thought. The conclusion is made that preposition and particle *tipa* have undergone partial deetymologization due to their specific functional-semantic development that in combination with consistency in usage of the misspelling *tipo* and theoretical nature of the corresponding letter conflict testifies to the fact that this misspelling is perceived by some users as the only correct one for denoting deetymologized preposition and particle *tipa*.

Keywords: preposition, particle, functional-semantic type of use, partial deetymologization, misspelling, theoretical letter conflict

© Shipilov M. Yu. 2023

For citation: Shipilov, M. Yu. (2023). Chto-to tipo oshibki: orfograficheskaya norma protiv lingvisticheskoy intuitsii [Kind of a misspelling: Orthographic norm versus linguistic intuition]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (3), 182–202. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_3_182

1. Введение [Introduction]

Нарушение орфографии в интернете, как известно, тема довольно острая и неоднозначная. С одной стороны, неофициальная коммуникация в онлайн-среде изобилует случаями намеренного нарушения письменной нормы (эрративами [Гусейнов, 2005]), выполняющими всевозможные функции и тем самым поддерживающими полноценность неформального общения в печатной форме [Голев, 2013 ; Карнуп, 2014]. С другой стороны, из-за всё той же печатной формы в интернете в полной мере проявляется неграмотность отдельных пользователей, оправданно вызывающая беспокойство у современных лингвистов [Шутилова, Ахметьянова, 2016 ; Арпентьева, 2018]. Более того, противоречивое отношение научного сообщества к эрративам и сложность их идентификации в ряду некодифицированных написаний только затрудняют и без того непростую дискуссию о нарушении орфографии в сети.

Однако в одном и учёные, и сами пользователи по очевидным причинам всегда сходились: в ошибках, вызванных банальным незнанием правил, едва ли может быть хоть что-то положительное. Ошибки препятствуют нормальной коммуникации, формируют у адресата отрицательное мнение о пишущем и подают плохой пример другим пользователям, косвенно способствуя дальнейшему распространению неграмотности. Признавая бесспорность данных положений, мы всё же должны отметить, что иногда орфографическая ошибка может быть маркером существенных лексических трансформаций, которые интуитивно улавливаются пишущими и отражаются в графическом облике соответствующих слов. К таким ошибкам, в частности, относится употребление буквы *О* для обозначения конечного гласного в слове *типа* – *типо*. Именно этому написанию и обозначенной им языковой единице и посвящена настоящая работа.

При этом *типо* нельзя отнести к эрративам, которые также могут выполнять функцию маркировки лексических изменений (см. *жоский*, *туна* и т.п. [Шипилов, 2021]): если в случае с эрративами пишущие понимают, что используют ненормативную графическую форму, пусть и не всегда могут объяснить, зачем они это делают, то *типо* и другие подобные написания изначально воспринимаются как корректные, то есть формально являются ошибочными. И как оказалось, такие неосознанные нарушения

могут быть следствием весьма значительных лексическо-семантических и грамматических преобразований, которые в данном случае заключаются в когнитивно значимом изменении значения и частеречной принадлежности (имя существительное *тип* → предлог / частица *типа*) и приводят к частичной деэтимологизации¹ анализируемых служебных единиц (мы называем её частичной потому, что её графические следствия наблюдаются в речи только части пишущих).

Актуальность настоящей статьи обусловлена, во-первых, обращением к интернет-коммуникации, роль которой в жизни современного человека становится всё более и более важной. И без того стремительный темп компьютеризации общества за последний год вырос ещё сильнее в связи с продолжающейся пандемией COVID-19, способствующей дальнейшей актуализации онлайн-общения во всех сферах человеческой деятельности. Кроме того, выбранная для анализа единица *типа*, как показало данное исследование, отличается высокой частотой употребления, так как встречается примерно в каждом 35 сообщении из 320000, входящих в контекстную базу (подробнее о материале см. ниже). Данная статистика подтверждает высокую актуальность анализируемой единицы для онлайн-коммуникации, а значит, и для лингвистических исследований.

Новизна работы требует более объёмного описания и заключается в следующем: выявленные особенности написания *типо* представляются нам обоснованием глобальной исследовательской установки, которая состоит в принципиально ином, критическом взгляде на нарушение орфографии в интернете. Мы убеждены, что многие проблемы, возникающие при изучении сетевой коммуникации, связаны с проецированием традиционных представлений о письменной речи на принципиально новую форму неофициального общения², в то время как специфические условия онлайн-среды требуют пересмотра даже самых очевидных теоретических положений. Говоря о специфических условиях онлайн-среды, мы прежде всего имеем в виду два утверждения. Во-первых, коммуникация в сети имеет визуальный, графический характер, что очевидным образом способствует расширению семиотической нагрузки письменных знаков. Во-вторых, «веб-пространство необходимо рассматривать как новую сферу функционирования русского языка во всей многоаспектности его речевых воплощений. Следовательно, и виртуальность должна пониматься не как ирреальность или иллюзорность, а как действительная сущность новой сферы существования человечества» [Трофимова, 2011, с. 66]. В интернете человек осуществляет все формы социального взаимодействия с помощью текста; человек живёт текстом, и текст этот – письменный. А значит, хорошо знакомые лингвистам графические явления, попадая в сферу интернет-коммуникации, очень часто приобретают новые количественные и качественные характеристики. Таким образом, все составляющие виртуального текста должны быть подвергнуты научному скептицизму, будь то осознанные метаморфозы или нечаянные отклонения.

Ко второй категории и относятся обыкновенные орфографические ошибки, которые при внимательном рассмотрении могут оказаться следствием фундаментальных изменений лексических единиц, что и наблюдаем в случае с *типо*. И хотя сама графика здесь только отражает эти изменения, именно особый статус видимого облика слова в интернете становится в данном случае поводом для создания некодифицированного написания: с помощью нового графического оформления пишущие визуально разграничивают форму имени существительного *типа* и служебное слово *типа*. И только исходное

¹ Под деэтимологизацией здесь и далее понимаем утрату смысловой связи между словом и его производящей основой в сознании носителей языка.

² Распространённая в современной лингвистике оценка интернет-коммуникации как промежуточного явления, совмещающего в себе характерные признаки устной и письменной речи, влечёт за собой аксиому о том, что данные признаки не меняют своего качества в новой среде, что, как нам кажется, должно быть сначала подвергнуто сомнению и проверено на практике.

допущение, что даже обыкновенные ошибки в интернете – в принципиально новой среде существования языка – не всегда могут быть объяснены незнанием правил, позволяет нам обнаружить и описать стоящие за данным ненормативным написанием лингвистические явления. В такой формулировке подхода к изучению интернет-коммуникации и заключается новизна данной статьи.

В связи с этим также немаловажно отметить недостаточную представленность частицы *тина* в лексикографических источниках: если соответствующие лексемы и фиксируются современными толковыми словарями, то только в качестве слов-паразитов, не имеющих никакой коммуникативной ценности [ТСРЯ, 2008]. В настоящей работе частица *тина* впервые получает столь подробное описание, включающее обоснование её частеречной принадлежности, анализ типов употребления и комментариев о когнитивной и дискурсивной значимости данной единицы для коммуникации в целом.

Итак, цель данного исследования – доказать взаимосвязь между орфографической ошибкой в написании *типо* и лексико-семантическими и грамматическими свойствами обозначенных им предлога и частицы. Для этого необходимо решить следующие задачи:

- на основе сообщений с рассматриваемыми единицами определить их частеречную принадлежность;
- выявить и охарактеризовать актуальные типы употребления этих единиц, прослеживая их постепенную частичную деэтимологизацию;
- описать влияние дискурсивной природы и когнитивной значимости предлога и частицы *тина* на процесс их частичной деэтимологизации и частоту употребления;
- проанализировав заявленную орфографическую ошибку, установить характер связи написания *типо* с рассмотренными функционально-семантическими особенностями соответствующих служебных единиц.

2. Модели функционирования слова *типо* [Functioning patterns of the word *tipo*]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

В качестве материала исследования использован архив личных сообщений одной учётной записи социальной сети «ВКонтакте», состоящий из более чем 320000 сообщений. Поиск контекстов, содержащих анализируемые единицы, осуществлялся с помощью встроенной поисковой системы. Суммарные результаты запросов «типа», «типо» и «тип» (графическая фиксация распространённого в устной речи случая апокопы) после отсеивания омонимов показали около 9200 вхождений, то есть в контекстной базе настоящего исследования предлог и/или частица *тина* употребляется примерно в каждом 35 сообщении. Примеры, использованные в тексте статьи, приводятся в исходном виде или с незначительными изменениями, помеченными условными обозначениями: знак «→» маркирует переход коммуникативного хода в диалоге, знак «|» – границу сообщений одного пишущего, двойной астериск (*...*) указывает на авторскую эвфемизацию табуированной лексики, в квадратных скобках ([...]) содержатся восстановленные фрагменты предложения, необходимые для его адекватной интерпретации, а в фигурных {...} – пояснения энциклопедического характера. Кроме того, примеры снабжены сквозной нумерацией, значительно упрощающей навигацию по материалу.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1. Имя существительное *тин* [Noun *tip* 'type']

Для того чтобы описать производную служебную единицу, сначала уточним содержание производящего имени существительного. Приведем словарные толкования первого, исходного значения слова *тин*.

• «‘Образец, модель или разновидность, форма, которым соответствует известная группа предметов, явлений’. *Типы пассажирских самолетов. Типы почв. Типы производственных отношений. Партия нового типа*» [СРЯ, 1999].

• «‘Форма, вид чего-н., обладающие определёнными признаками, а также образец, к-рому соответствует известная группа предметов, явлений’. *Типы рельефов. Славянский т. лица. Т. автомобиля*» [Ожегов, Шведова, 1999].

Как видим, оба словаря отмечают наличие в структуре сигнификата семы ‘модель, форма, разряд’.

Еще одно значение, зафиксированное в данных словарях, отличается от первого только тем, что при его актуализации в обобщенном виде представляется не «известная группа явлений» а известная группа лиц.

• «‘Разряд, категория людей, объединённых общностью каких-н. внешних или внутренних черт’. *Он очень замкнут я не люблю людей этого ~а*» [Ожегов, Шведова, 1999].

• «‘Разряд, категория людей, объединённых какими-л. характерными чертами (социальными, профессиональными, нравственными), а также яркий представитель какой-л. такой группы’. *Блинов презирал Жарковского, он не выносил людей этого типа, ловкачество и карьеризм были ему органически противны. Н. Никитин. Это было в Коканде*» [СРЯ, 1999].

Учитывая выявленные сходства данных значений, объединим их в одно и обозначим соответствующую лексему как *тип₁*. Также отметим, что в качестве единого термина, обозначающего предметы, лица и иные категории фрагментов действительности, мы будем использовать слова *явление* и *сущность*.

Таким образом, предполагается, что, используя имя существительное *тип₁*, говорящий заявляет известную группу явлений, представляя ее в виде обобщенной модели, формирующейся на основе общих для представителей данной группы признаков. Подтвердим этот тезис на примере одного из множества употреблений лексемы *тип₁*, зафиксированных в НКРЯ.

(1) *Кроме того, предлагается ввод дополнительных параметров для каждого типа листов и деталей.*

Листы и детали обладают определенными признаками, и разные характеристики данных объектов требуют ввода разных параметров в обрабатывающие их устройства. Слово *тип* в данном предложении используется для обозначения подкласса, или типа (под данными словами понимаем одно и то же), листов и деталей, имеющих одинаковые свойства, а значит, требующих ввода одинаковых параметров. Итак, с помощью употребления имени существительного *тип₁*, некоторая совокупность имеющих общие признаки сущностей выражается в виде оформившегося в процессе когнитивной деятельности самостоятельного абстрактного единства, представителями которого являются данные сущности.

2.2.2. Предлог *типа* [Preposition *tipa* 'like']

Предлог *типа* мы подробно описали в статье «Функционально-семантические особенности предлога *типа* (на материале интернет-коммуникации)» [Шипилов, 2022 а]; приведём основные приложения данной работы.

Хотя анализируемый предлог и зафиксирован в ряде толковых словарей, его наиболее полный лексикографический портрет можно найти в работах Е. С. Шереметьевой [Шереметьева, 2011; Служебные слова..., 2017, с. 74–99]. Согласно ей, «употребляя [предлог] *типа*, говорящий характеризует предмет или явление, приписывая ему, путём установления соответствия, обобщенные отличительные черты другого, известного адресату предмета или явления» [Шереметьева, 2011, с. 355]. Один из выявленных нами

типов употребления данного предлога полностью соответствует этому описанию: использование *типа* отражает индивидуальную идентификацию нового явления с помощью его соотнесения с наиболее похожим на него представителем подходящего класса (*киберпонедельник – это акция типа чёрной пятницы; миринда – это газировка типа фанты* и т. п.). Воспользовавшись компонентным анализом, мы выявили значение соответствующей предложной конструкции: $Sx(\text{что-то}) \text{ типа } Sy = \text{'Sx, среди всех Sx больше всего подобный Sy'}$ [Шипилов, 2022 а]. В рамках ещё одного типа употребления, не отмеченного в трудах Е. С. Шереметьевой, конструкция с предлогом *типа* используется для языкового отражения сиюминутной группировки некоторого названного явления с теоретически неограниченным количеством неназванных с целью создания своеобразного открытого ряда, каждый потенциальный элемент которого актуален для текущей коммуникативной ситуации (*купи что-нибудь типа сосисок или колбасы; не люблю грибы типа маслят* и т. п.). Компонентный анализ показал, что данная разновидность рассматриваемой синтаксической модели имеет следующее значение: $Sx(\text{что-нибудь}) \text{ типа } Sy = \text{'Sy и/или другие Sx, подобные Sy'}$ [Там же].

Как видим, конструкция с предлогом *типа* в обеих функционально-семантических разновидностях позволяет вербально зафиксировать актуальное действие когнитивных механизмов соотнесения и группировки [Шипилов, 2022 а], чем существенно отличается от производящего имени существительного, обозначающего некоторый класс как результат в отвлечении от сформировавшего его процесса. Иными словами, в конструкциях с анализируемым предлогом фокус внимания смещается с закрепившегося в сознании абстрактного единства, то есть с результата, на сам процесс соотнесения явлений и их группировки, что свидетельствует об особой когнитивно обусловленной актуальности данного предлога для коммуникации как таковой и способствует постепенной утрате этимологической связи между производящей и производной единицами в сознании носителей языка.

2.2.3. Частица *типа* [Particle *tipa* 'sort of']

Общая характеристика. Современные лексикографические источники отмечают наличие у лексемы *тип*, ещё одного производного слова – частицы *типа*. Так, в «Толковом словаре русского языка XXI века» находим следующее её определение: «слово-паразит, заполняющее паузу в неорганизованной речи» [ТСРЯ, 2008, с. 976]. Проверим актуальность данного описания, обратившись к сообщениям из контекстной базы.

(2) *В моём доме **типо** благоустройство происходит*

(3) – *Завтра др у Фрейи {кличка собаки} | **Имейте в виду***

– *И чё **тип** в этот день ей все будет дозволено?*

(4) *Они притихли, но баба стала кричать продавцу **типо** ээээ, а я думала ты не вызовешь [полицию]*

Во-первых, анализируемая единица в данных контекстах действительно не является членом предложения и не участвует в оформлении синтаксических связей. Во-вторых, помимо уже рассмотренных написаний с А и О на конце, в этой группе примеров встречаем графический облик без конечной буквы для гласного, отражающий апокопу, которая совершенно нехарактерна для производящей словоформы имени существительного и омонимичного предлога. Наконец, хотя в этих контекстах единица *типа* и имеет разное значение, в каждом из них с её помощью пишущий отмечает наличие у нескольких явлений или ситуаций общего компонента, выявленного в результате их соотнесения.

• (2) пример: здесь, как и в сообщениях с конструкцией $Sx(\text{что-то}) \text{ типа } Sy$, новое явление (*наблюдаемые пишущим ремонтные работы*) определяется через его соотнесение со знакомым (*благоустройство*).

• (3) пример: употребляя единицу типа, пишущий маркирует своё предположение (*ей всё будет дозволено*) о том, что подразумевал его собеседник; таким образом, догадка здесь соотносится с истиной, возможность сопоставляется с действительностью.

• (4) пример: здесь же пишущий использует единицу *типа* для указания на примерный характер передачи чужих слов, то есть на их соотношение с пересказываемым фрагментом речи.

Данные факты – отсутствие какой-либо синтаксической функции, возможность полной редукации на конце слова и семантическая диффузность – свидетельствуют о том, что единица *типа* в приведённых контекстах действительно является частицей. Заметим, что во (2) примере частица легко заменяется на омонимичный предлог при перестройке конструкции (*в моём доме что-то типа благоустройства происходит или в моём доме ведутся ремонтные работы типа благоустройства*), так как здесь соотносятся сущности, которые обычно обозначаются существительными. Однако в (3) и (4) контекстах такая замена потребовала бы радикальных изменений в формальной структуре предложения, которые сделали бы исходные сообщения громоздкими и крайне неэффективными с коммуникативной точки зрения.

Итак, частица *типа* точно так же, как имя существительное *тип*, и предлог *типа*, употребляется для выражения идеи соотношения нескольких явлений, на основании которого осуществляется их объединение. При этом, как и в случае с предлогом, использование частицы отражает протекание самого процесса соотношения и группировки, а благодаря беспрецедентной грамматической гибкости данная единица охватывает гораздо больший объём соотносимых явлений (действия, состояния, признаки, целые ситуации), что способствует дальнейшему затемнению этимологической связи служебного слова *типа* с производящим существительным, синтаксически ограниченным своей предметностью.

Как выяснилось, определение «слово-паразит, заполняющее паузу в неорганизованной речи» не соответствует реальным случаям употребления частицы *типа* и потому нуждается в существенной доработке (однако сама по себе данная дефиниция по-своему показательна, мы ещё вернёмся к ней в следующем параграфе). Именно этим мы далее и займёмся, рассматривая особенности употребления данной единицы в сообщениях из контекстной базы. Отметим, что в связи с уже упомянутой семантической диффузностью мы не будем пытаться выделить и сформулировать отдельные значения частицы *типа* (отсутствие дефиниций при этом будет компенсировано подбором контекстуальных синонимов), а сконцентрируемся на описании её функций в разных группах контекстов, для каждой группы уточняя, как именно во входящих в неё примерах реализуется интегральная для всех анализируемых единиц идея соотношения нескольких явлений.

Функционально-семантические свойства частицы типа в разных группах контекстов. В первую группу включены контексты с (5) по (7).

(5) Я **тип** восстал из мертвых {о выздоровлении после тяжёлой болезни}

(6) Это **типо** задание на умение гуглить?

(7) Баба бросила стал больше тренишь | **Типо** спокойствие в спорте нашёл.

В примерах первой группы частица типа выражает то же значение, что и предлог типа в рассмотренной ранее конструкции $Sx(\text{что-то}) \text{ типа } Sy$: её употребление отражает то, как пишущий познаёт новое явление через его соотношение с хорошо известным. Так, автор (6) примера, очевидно, знаком с заданиями на умение пользоваться поисковыми системами, но конкретное задание, обозначенное в предложении местоимением *это*, видит впервые, и в процессе его познания соотносит ещё не идентифицированное явление с классом известных ему сущностей (*задания на умение гуглить*). Даже если в реальности познаваемое явление относится к классу, сходство с представителем которого используется для его первичной характеристики, осознание этой соотносённости

происходит не сразу, и контексты первой группы отражают именно тот ранний период процесса познания чего-либо, на котором мыслящий субъект проводит параллели между принципиально новым для него фрагментом действительности и закреплёнными в памяти результатами познания других явлений.

Во вторую группу включены контексты с (8) по (10).

(8) *Но она же говорила, **типа**, я вам еще [добавлю заданий]*

(9) *И сказали **типа** ну ты ж в качалку ходишь тебе пригодится)00*

(10) *Вообще я так и планировал ща подъехать {= подойти к вопросу} | **Типа** ты же знаешь мол книга это лучший подарок.*

В приведённых примерах частица *типа* отражает соотнесение слов, произнесённых в другое время самим пишущим или иным лицом, и их примерным воспроизведением в актуальном высказывании. Таким образом, в составе контекстов второй группы данная единица по функции очень близка к частице *мол*: ‘употребляется для указания на то, что приводимые слова являются передачей чужой речи или чужих мыслей, а также для указания на то, что приводимые слова сказаны говорящим, но в другое время’ [СРЯ, 1999]. Как следствие, при замене *типа* на *мол* значение исходных контекстов остаётся прежним.

• (8) пример: *Но она же говорила, **мол**, я вам еще [добавлю заданий]*

• (9) пример: *И сказали, **мол**, ну ты ж в качалку ходишь тебе пригодится)00*

• (10) пример: *Вообще я так и планировал ща подъехать {= подойти к вопросу} |*

***Мол**, ты же знаешь мол книга это лучший подарок.*

Примечательно, что, хотя для частицы *типа* не свойственно интонационное выделение в устной речи, в (8) примере пишущий обособил данную единицу с помощью двойной запятой, отразив тем самым интонацию, присущую употреблению синонимичной частицы *мол* в устной речи. Отметим также дублирование описываемого значения в (10) контексте, автор которого использует в одной синтагме и *типа*, и *мол*. Данный факт объясняется стремлением говорящего к обеспечению надёжности при передаче информации, которое наиболее отчётливо проявляется в разговорной речи. В условиях неофициальной коммуникации пишущие нередко позволяют себе пренебрегать корректностью и стройностью высказывания, повторяя наиболее важные языковые средства. В (10) примере этими средствами оказываются однофункциональные частицы *типа* и *мол*, маркирующие примерный, гипотетический характер приводимых слов.

В третью группу включены контексты с (11) по (13).

(11) *Ты вроде как уже в кино был огурчиком, а щас **типа** болеешь еще)*

(12) *Хотя я знаю что **типо** можно просто начать не с жесткача | Просто чтобы мышцы привыкли.*

(13) *Так а Назарбаев же **типа** уже не у власти*

В рамках данной группы частица *типа* отражает соотнесение некоторого факта и информации о нём, в истинности которой у пишущего есть повод сомневаться. В этих контекстах единица *типа* по функции очень близка к частицам *вроде* (‘указывает на предположительность высказывания, на сомнение в достоверности чего-л.’ [СРЯ, 1999]) и *якобы*: (‘указывает на предположительность высказывания, на сомнение в его достоверности’ [Там же]). Действительно, при замене *типа* на *вроде* и *якобы* значение исходных сообщений остаётся прежним (выбор между синонимическими частицами осуществляется в зависимости от необходимости маркировать информацию, полученную из сторонних источников: если такая необходимость очевидна, то *типа* заменяется на *якобы*, в противном случае выбирается более общая по значению единица *вроде*).

• (11) пример: *Ты вроде как уже в кино был огурчиком, а щас **якобы** болеешь еще)*

• (12) пример: *Хотя я знаю что **вроде** можно просто начать не с жесткача | Просто чтобы мышцы привыкли.*

- (13) пример: *Так а Назарбаев же вроде уже не у власти*

В четвёртую группу включены контексты с (14) по (16).

(14) *Может на праздники 8-9 собраться? | ну типа днём где-т или в вечер/ночь где-то получится (сомневаюсь)*

- (15) – *А чё у этого парня за недуг?*

– *Зубов мало плюс те что осталось удаление + лечение каналов + протезирование на имплантах <...>*

- *Типа у него вообще своих зубов не останется?*

– *Останется, но мало, без имплантов не обойтись*

- (16) *Посмотри на ютубе, как струны натягивать | тип как узелок внизу завязать*

В примерах данной группы частица *типа* отражает соотношение предыдущего высказывания (или его части) с текущим (или его частью), служащим для его пояснения или уточнения. Как следствие, в рамках этого типа употребления анализируемая единица по функции тождественна пояснительному союзу *то есть* (в случае если в синтагме актуализируется пояснение) и уточняющему союзу *а именно* (в случае если в синтагме актуализируется уточнение)³. Так, в соответствующих контекстах можем заменить *типа* на подходящий по смыслу союз, сохранив при этом значения исходных предложений.

- (14) пример: *Может на праздники 8-9 собраться? | ну а именно днём где-т или в вечер/ночь где-то получится (сомневаюсь)*

- (15) пример: – *А чё у этого парня за недуг?*

– *Зубов мало плюс те что осталось удаление + лечение каналов + протезирование на имплантах <...>*

- *То есть у него вообще своих зубов не останется?*

– *Останется, но мало, без имплантов не обойтись*

- (16) пример: *Посмотри на ютубе, как струны натягивать | а именно как узелок внизу завязать*

В пятую группу включены контексты с (17) по (19).

- (17) – *Ты до сих пор не сдал курсач, где надо сайт сделать??*

– *я его только сегодня начал делать **типо***

- (18) – *НЕНЕ, для начала прочитай две книги по совету препода | И обе они на английском*

– *А какого *чёрта* | На английском | Почему так | Или **типо** нету на немецком такого ничего?*

- (19) – *среди инди много рогаликов по вполне понятной причине*

– *ну **типа** сделать не так сложно?*

В примерах данной группы частица *типа* отражает соотношение причины и следствия; при этом анализируемая единица всегда маркирует выражение причины, соответствуя по функции причинным союзам. Действительно, замена *типа* на один из таких союзов, например *потому что*, в данном случае никак не повлияет на значение соответствующих предложений.

- (17) пример: – *Ты до сих пор не сдал курсач, где надо сайт сделать??*

– *я его только сегодня начал делать **потому что***

- (18) пример: – *НЕНЕ, для начала прочитай две книги по совету препода | И обе они на английском*

– *А какого *чёрта* | На английском | Почему так | Или **потому что** нету на немецком такого ничего?*

³ Отметим, что мы рассматриваем союзные типы употребления служебного слова *типа* в разделе о частице по той причине, что для данной единицы функция союза является частным случаем обеспечения связи между синтаксическими элементами разной грамматической природы и структуры, что в целом характерно для ряда русских частиц (*только, даже* и т. п.).

• (19) пример: – *среди инди много рогаликов {жанр компьютерных игр} по вполне понятной причине*

– ну **потому что** сделать не так сложно?

В последнюю, шестую группу включены контексты с (20) по (22).

(20) – Ну [на экзамене] много доп вопросов всем задавали

– **типа** оценку уточнить?

(21) К нам прикинь сегодня приходил полицей | **Tuna** поговорить по делу, которое открыли после смерти [бабушки]

(22) Катя попросила написать вам всем про дачу) **Tuno** скоординироваться и решить все

В примерах данной группы частица *типа* отражает соотнесение некоторой ситуации и её цели, совпадая по функции с союзом *чтобы*. Как следствие, при замене *типа* на *чтобы* значение исходных контекстов остаётся прежним.

• (20) пример: – Ну [на экзамене] много доп вопросов всем задавали

– **чтобы** оценку уточнить?

• (21) пример: К нам прикинь сегодня приходил полицей | **чтобы** поговорить по делу, которое открыли после смерти [бабушки]

• (22) пример: Катя попросила написать вам всем про дачу) **Чтобы** скоординироваться и решить все

Завершая данный раздел, подытожим результаты проведённого анализа. Частица *типа* используется для отражения хода мыслей пишущего, указывая на соотнесение нескольких явлений, лиц, ситуаций и т. п. Мы рассмотрели шесть групп контекстов и описали шесть функционально-семантических разновидностей рассмотренной единицы, выделенных в зависимости от характера соотносимых сущностей и результата соотнесения. Перечислим эти разновидности.

1. Соотнесение чего-то нового с чем-то известным, обнаруживающее подобие соотносимых сущностей (см. предлог *типа*).

2. Соотнесение слов, сказанных в другое время, с их воспроизведением в настоящем, обнаруживающее примерный характер этого воспроизведения (см. *мол*).

3. Соотнесение факта и информации о нём, обнаруживающее повод сомневаться в этой информации (см. *вроде* и *якобы*).

4. Соотнесение двух высказываний или их частей, обнаруживающее поясняющие или уточняющие отношения между ними (см. *то есть* / *а именно*).

5. Соотнесение двух ситуаций, обнаруживающее причинно-следственные отношения между ними (см. *потому что*).

6. Соотнесение двух ситуаций, обнаруживающее целевые отношения между ними (см. *чтобы*).

Разумеется, содержание частицы *типа* не ограничивается данными функционально-семантическими вариантами: при наличии неограниченной контекстной базы данный список можно было бы продолжать бесконечно, выявляя всё новые и новые вариации анализируемой единицы. Однако проделанной нами работы вполне достаточно для демонстрации многообразия этих вариантов, объединённых интегральной идеей соотнесения. Данная идея в свою очередь реализуется при употреблении частицы иначе, чем в случае с использованием лексемы *тип₁* – с фокусом на актуальном процессе соотнесения, а не на его результате и в отношении любых, а не только предметных сущностей, – что способствует дальнейшему затемнению словообразовательной и, следовательно, этимологической связи служебного слова типа с производящим именем существительным в сознании некоторых пишущих.

2.2.4. Когнитивная и дискурсивная специфика единицы *tuna* [Cognitive and discursive specificity of the word *tuna*]

Когнитивный аспект. Теперь, когда мы выяснили, как и зачем пишущие используют служебное слово *tuna*, мы можем объяснить впечатляющую частотность анализируемых предлога и частицы в неофициальной коммуникации, обратившись к их когнитивной и дискурсивной специфике. Первая причина распространённости анализируемых единиц в письменной речи интернета заключается в обусловленности употребления предлога и частицы *tuna* актуализацией важнейших когнитивных механизмов, регулирующих процесс познания и структурирования информации. В предыдущих разделах мы не раз упоминали операции соотнесения и группировки, действие которых отражается в значениях анализируемых единиц. Как известно, в процессе познания данные операции актуализируются особенно часто. Л. М. Малых в статье «Сравнение как логическая основа обыденного и научного познания» отмечает⁴: «Познание любого предмета и явления начинается с того, что мы его отличаем от всех других предметов и устанавливаем его сходство с родственными предметами. <...> Следует, однако, заметить, что уже на этапе восприятия начинается процесс обобщения сходных черт предметов, их категоризация. Способность к категоризации выступает важнейшим инструментом, посредством которого человек систематизирует своё окружение, на основе чего он и ориентируется в нём» [Малых, 2014, с. 2]. Употребление служебного слова *tuna*, таким образом, свидетельствует об установлении первичной связи между явлениями, позволяющей осуществить их группировку и тем самым систематизировать полученную информацию.

В этом контексте следует также обратиться к феномену когнитивной метафоры – особому случаю соотнесения, используемому для характеристики как отдельных явлений, так и целых понятийных областей. Неизменную актуальность данной когнитивной операции для познания, результаты которой отражаются в многочисленных языковых фактах, доказали Дж. Лакофф и М. Джонсон: «Наши понятия упорядочивают воспринимаемую нами реальность, способы нашего поведения в мире и наши контакты с людьми. Наша понятийная система играет, таким образом, центральную роль в определении повседневной реальности. И если мы правы в своем предположении, что наша понятийная система носит преимущественно метафорический характер, тогда наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорой» [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 387]. Из этого следует, что в непрерывном процессе мышления когнитивный механизм соотнесения используется ежедневно и повсеместно, порождая всё новые и новые формы своего языкового отражения.

Таким образом, употребление предлога и частицы *tuna* в рассмотренных нами функциях обусловлено действием когнитивных операций, которые очень часто задействуются в речемыслительном процессе. Что особенно важно, высказывания с анализируемыми единицами отражают применение этих операций здесь и сейчас, а не в контексте когда-то завершённого процесса, как это происходит в случае с использованием имени существительного *tun₁*. Именно столь тесная связь описанных когнитивных механизмов с употреблением предлога и частицы *tuna* способствует восприятию последних как принципиально новых единиц, требующих новой графической формы, которой и становится некодифицированное написание *tuno*. Кроме того, когнитивная значимость данных языковых средств является одной из двух главных причин высокой частоты их употребления в неофициальной коммуникации.

Дискурсивный аспект. Вторая причина распространённости предлога и частицы *tuna* в неформальном общении связана с дискурсивной природой анализируемых

⁴ Под сравнением и соотнесением здесь понимаем одно и то же, однако предпочитаем использовать второй термин, чтобы избежать ассоциаций с одноимённой синтаксической конструкцией.

служебных единиц. Считаем необходимым пояснить, что мы понимаем под термином *дискурсивное слово* в рамках настоящего исследования: «По сути дела, имеются в виду единицы, которые, с одной стороны, обеспечивают связность текста и, с другой стороны, самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию говорящего: то, как говорящий интерпретирует факты, о которых он сообщает слушателю, как он оценивает их с точки зрения степени важности, правдоподобности, вероятности и т. п. Именно эти единицы управляют процессом общения: они выражают истинностные и этические оценки, пресуппозиции, мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом и проч. Такому классу слов в традиционной терминологии нет названия (с некоторой осторожностью можно указать на определённую близость дискурсивной лексики к классу (модальных) частиц» [Баранов и др., 1993, с. 7].

Связность текста – это такое его свойство, которое проявляется в наличии языковых средств, благодаря своей функционально-семантическим свойствам устанавливающих смысловую связь между высказываниями и их частями. Так, частица *типа* обеспечивает связность текста, во-первых, выступая в предложении в функции союза и, во-вторых, выражая отношения между предложениями и их фрагментами, при этом не участвуя в формальной организации синтагм. Отражение же пишущим того, как он «интерпретирует факты, о которых сообщает слушателю», в случае употребления единицы *типа* проявляется в специфике соотнесения, индивидуальной для каждого пишущего в каждой ситуации.

«<...> Остаётся ещё проблема её (дискурсивной лексики. – М. Ш.) описания. Если формулировать кратко, проблема сводится к более сильной, чем для других лексем, связи дискурсивных единиц с контекстом, причём – очень широким контекстом. Лексикографу-практику хорошо известно, что при попытке «вынуть» эти слова из контекста от их семантики ничего не остаётся, кроме печально знаменитой “усилительности”, и при этом все они оказываются на одно лицо. Понятно, что этот путь непригоден даже для очень общих грамматических описаний, не говоря уже об описаниях лексикографических» [Там же, с. 8]. Действительно, значение предлога и частицы *типа* вне контекста имеет крайне абстрактный характер: оно связано с соотнесением некоторых сущностей, в результате которого осуществляется их группировка. В составе конкретной синтагмы же значение данных единиц уточняется (отсюда и их функционально-семантическое многообразие), при этом оно может быть описано в хоть сколько-нибудь определённом виде только в составе определённого типа контекстов. Именно поэтому, например, при рассмотрении функционально-семантических особенностей частицы *типа* мы разделили содержащие её контексты на группы и анализировали их по отдельности, а по отношению к разным группам говорили не о значениях данной частицы, а о разных типах её употребления.

Кроме того, дискурсивные слова тесно связаны с когнитивной деятельностью человека, они указывают на ход мыслей, работу мышления говорящего. Такие дискурсивные слова, которые при этом не участвуют в формальной организации предложения и не передают коммуникативно значимую информацию (например, частицы *ну*, *эм*), с точки зрения культуры речи называют «лишними словами»: при устранении данных единиц не изменяется ни понятийно-логическое содержание предложений, ни их грамматическая структура. Частицу *типа* также стали относить к «лишним словам»: «В популярной песенке звучит признание в любви: «Я тебя типа лю, типа блю...» Такие и подобные фразы постоянно слышатся последние несколько лет в обыденной речи. Да и в речах политиков, парламентариев, в интервью бизнесменов, в материалах радио- и тележурналистов такие высказывания – далеко не редкость! <...> Что касается сочетания «*типа* + родительный падеж существительного», то в небрежной, неумело, плохо организованной в семантическом, грамматическом и стилистическом отношениях речи словоформа *типа* вопреки и лексико-стилистическим, и грамматическим нормам соеди-

няется с глагольной формой: *Извините, я типа опоздал; Он типа не вернул мне долг* [Где-то, как бы, типа].

Такую же точку зрения транслирует приведённая ранее дефиниция частицы *типа* из «Толкового словаря русского языка XXI века». Действительно, очень часто тот или иной случай использования данной единицы едва ли можно отнести к конкретному типу употребления, уточняющему специфику процесса соотнесения. Такие случаи довольно часто встречаются в голосовых сообщениях из контекстной базы. Приведём несколько примеров, обозначая нехарактерно долгие для темпа устной речи паузы (по долготе в разы превышающие все остальные паузы в сообщении) с помощью многоточия.

(23) {Из обсуждения фильма} *Отец, чтобы жили дети, как бы их покинул навсегда, грубо говоря, чтобы обеспечить им какую-то... ну, **типа** жизнь.*

(24) *Её задачей, коли она выбрала эту работу, является... ну, понимать, на что она шла и... ну, **типа** быть управляющей в нашем центре.*

(25) *Они работают уже как ты по... **типа** стажу <...>*

(26) *Если, ну, подворачивалась, естественно, такая возможность... **типа**, и... обстановка.*

(27) *Когда ты получаешь что-то, тебе хочется чего-то нового. Но, **типа**... даже осознавая это, <...>*

(28) *Да я тоже думаю, он преувеличил, **типа**... переэмоционалил.*

Как следствие, создаётся впечатление, что в подобных контекстах частица *типа* просто заполняет паузы, которые появляются в спонтанной речи, не поспевающей за темпом коммуникации (именно поэтому соответствующие примеры и взяты из устных сообщений, для которых непрерывный темп речи имеет огромное значение). И хотя в некоторых ситуациях это и правда может быть так, роль заполнителя пауз данной единицы отводится вовсе не случайно. Когда говорящий не успевает вовремя подобрать нужное слово, он тратит больше времени на соотнесение ищущей выражения мысли с её потенциальными выразителями – языковыми средствами с подходящим содержанием. Чем дольше длится такой поиск, тем более существенной становится заминка. Желая минимизировать растущую паузу, говорящий использует частицу *типа*, вербализуя осуществляемый им в данный момент процесс соотнесения и тем самым формально уменьшая негативное влияние возникшей заминки на темп коммуникации. Иными словами, анализируемая частица действительно может употребляться для заполнения пауз, но при этом она не теряет и свою первоначальную функцию – отражать соотнесение нескольких сущностей. Этими сущностями в данном случае оказываются ещё не выраженная мысль и её потенциальные языковые формы. Таким образом, данная единица в подобных контекстах «самым непосредственным образом отражает процесс взаимодействия говорящего и слушающего» [Баранов и др., 1993, с. 7], однако не выражает никакой коммуникативно значимой информации, что и позволяет отнести её к условному классу лишних слов.

Как кажется, если бы частица *типа* попала в поле зрения науки только сейчас, когда в распоряжении лингвистов появился такой внушительный объём продуктов письменного интернет-общения, её лексикографическое описание и общественная репутация были бы совсем иными, потому что, как мы убедились, данная частица имеет целый ряд функционально-семантических разновидностей, а вовсе не только заполняет паузы в неорганизованной речи. В действительности же самый специфический и функционально далёкий от исходного имени существительного тип употребления данной частицы из-за своей распространённости в устной речи отмечается раньше (а иногда и вместо) всех остальных, причём как рядовыми носителями языка, так и лингвистами.

Дискуссия о пользе и вреде подобных языковых средств до сих пор сохраняет актуальность в научной среде. Не придерживаясь крайних взглядов в отношении «лишних»

дискурсивных слов, к которым, как выяснилось, относятся предлог и частица *tina*, мы считаем, что любая научная дискуссия свидетельствует о сложности и неоднозначности обсуждаемого явления, наиболее полное описание которого формируется именно на пересечении противоречивых мнений, теорий, концепций. Однако именно дискурсивная природа анализируемых единиц, их обусловленность самим процессом коммуникации, совершенно нехарактерная для имени существительного *tin*, сыграла решающую роль в окончательной утрате осознания их этимологической связи с производящей единицей, а также послужила причиной их широчайшего распространения в неофициальном общении.

Теперь, подробно описав специфический процесс функционально-семантического развития служебной единицы *tina*, рассмотрим, как это развитие привело к образованию нового графического облика для обозначения соответствующих предлога и частицы.

2.2.5. Орфографический статус написания *tino* [Orthographic assessment of the spelling *tino*]

Надо сказать, что написание *tino* вызывает исследовательский интерес даже в отрыве от лингвистической специфики обозначенных им слов. Это связано с тем, что при внимательном взгляде становится очевидно, что подобная ошибка совершенно нехарактерна для носителей русского языка, хоть сколько-нибудь владеющих письмом.

Служебное слово *tina*, как известно, образовано от имени существительного *tin* в форме единственного числа, родительного падежа (*tina*) с помощью конверсии. Производное слово естественным образом унаследовало написание от производящего, что подтверждается данными лексикографических источников [ТСРЯ, 2008 ; СРЯ, 1999 ; Ожегов, Шведова, 1999], а значит, при рассмотрении орфограммы на конце служебного слова *tina* следует сравнить её с орфограммой в окончании производящей формы имени существительного.

В результате этого сравнения выяснилось, что, хотя использование буквы О для обозначения гласного звука в окончании словоформы *tina* и приравнивается к орфографической ошибке, её квалификация неоднозначна. Как представляется, носитель русского языка, даже очень поверхностно знакомый с русской графикой, никогда не допустит орфографическую ошибку в написании безударного окончания формы единственного числа, родительного падежа имён существительных мужского рода, относящихся к I субстантивному склонению (*домо* вместо *дома*, *стуло* вместо *стула*, *глазо* вместо *глаза* и т. п.).

Для проверки данной гипотезы мы обратились к актуальным учебникам и пособиям по орфографии. В. Ф. Мейеров отмечает, что «буквы а – о (выделение автора. – М. Ш.) в позиции после твёрдых согласных должны быть признаны орфограммами, если любая из них может стать знаком безударного звука [а]» [Мейеров, 1993, с. 118], однако впоследствии в данном учебном пособии заявленная орфограмма не рассматривается [Там же, с. 117–124]. Нет описания данной орфограммы и в учебном пособии А. И. Кайдаловой и И. К. Калининой [Кайдалова, Калинина, 1971, с. 64–65], и в «Справочнике по русскому языку» Д. Э. Розенталя [Розенталь и др., 2013, с. 46–48]. Кроме того, указанная орфограмма никак не освещается и в школьных учебниках: в учебнике русского языка для 5 класса под редакцией Н. М. Шанского словоформы с данной орфограммой не включены в упражнения [Русский язык, 1990, с. 9–11], а в учебнике М. М. Разумовской, как и в учебнике под редакцией М. В. Панова, в рамках соответствующей темы рассматриваются только орфограммы с конкуренцией букв Е и И [Разумовская, 1995, с. 226–228 ; Ильинская, 1995, с. 284–287]. Такое положение дел позволяет судить о том, что орфограмма в окончании словоформы *tina* на практике не представляет трудности для пишущих, в связи с чем мы предлагаем называть подобные случаи конкуренции знаков теоретическими орфограммами.

При изучении и преподавании орфографии обычно прибегают к относительно устойчивому набору актуальных орфограмм, в которых пишущие часто допускают ошибки (окончания личных форм глаголов, Н/НН в суффиксах прилагательных и причастий, приставки, оканчивающиеся на парные по звонкости-глухости согласные, и т. д.). Такой подход более чем оправдан практической ориентированностью орфографии, однако он никак не комментирует феномен теоретических орфограмм, из чего можно сделать вывод, что все случаи конкуренции знаков могут быть одинаково проблематичными для пишущих. В этом контексте также можно вспомнить показательные написания, которые традиционно приводятся в качестве доказательств необходимости орфографии для адекватной письменной коммуникации. Так, например, слово *расчётливость* имеет 6336 вариантов написания [Панов, 1964], из которых только один является верным. Однако далеко не все из этих вариантов практически обоснованы: носитель языка едва ли может по ошибке написать *роздчодтлеваздь*. Как кажется, при наличии у пишущего базовых знаний о функционировании русской графики некоторые теоретически проблемные написания благодаря своей безусловной системности и интуитивности на практике не воспринимаются как орфограммы и в нормальных условиях никогда не содержат ошибок. Именно к таким случаям и относится конкуренция знаков в окончании имён существительных I субстантивного склонения в форме единственного числа, родительного падежа, в том числе в словоформе *типа*. Следовательно, логично ожидать, что и в производной служебной единице *типа* те же носители языка никогда не допустят орфографическую ошибку. Однако сообщения из контекстной базы исследования демонстрируют обратное.

(29) *Так а кто нибудь вообще хоть как то отреагировал на мое предложение | Типо по двадцатке скинемся купим [игру] | Или ещё как то*

(30) – *Чё*

– *Типо того*

(31) *Короче к б примерно [подъедем] | И типо сразу хотим [поиграть]*

(32) – *Ты на улице ночевала?*

– *Почти | В моём доме типо «благоустройство» происходит*

(33) – *Я тут [кстати] посмотрел курс валют впервые за несколько месяцев и *офигел**

– *Типо доллар 84?*

– *87 уже*

Как видим, несмотря на то что данная орфограмма не должна вызывать трудности у пишущих, в интернет-коммуникации наблюдаются случаи употребления некодифицированного графического облика. Сложившееся противоречие может свидетельствовать о том, что анализируемое написание является эрративом. Проверим это предположение.

Стандартным способом доказательства эрративности, то есть факта намеренного нарушения кодификации, является апелляция к функционально обусловленному распределению нормативного и эрративного написаний в речевой практике пишущих. К примеру, если для обозначения слова *жёсткий* в словарных значениях и в составе устойчивых сочетаний (*жёсткий диск*) пользователи употребляют кодифицированный графический облик *жесткий*, а для маркировки новых значений используют ненормативное написание *жоский*, то данное написание следует признать эрративом [Шипилов, 2022 б]. В случае с *типа*, как может показаться, наблюдается именно такая дистрибуция: некоторые пользователи будто бы действительно осознанно отделяют служебное слово от формы существительного с помощью отклонения от письменной нормы.

(34) *Есть два типа франшиз: <...>*

(35) – *Андрюха, как узнаешь хотя бы примерное время, скажи плиз*

– *Сегодня типо надо?)*

– Ну до завтра например)

Однако большинство пишущих, как показал поиск актуальных контекстов, всё же соблюдают стандартное написание служебной единицы, что ставит под сомнение эрративность буквосочетания *типо*.

Конечно, не все пользователи интернета употребляют эрративы в своей речи, поэтому неудивительно, что дистрибуция анализируемых написаний не распространяется на каждого автора сообщений, входящих в контекстную базу. Некоторые пишущие в силу безусловного авторитета кодификации предпочитают придерживаться её в любых коммуникативных условиях, другие же используют эрративы наряду с нормативными написаниями как маркированные и немаркированные члены оппозиции соответственно, в связи с чем первые всегда могут быть замещены вторыми по причине универсальности кодифицированных вариантов [Шипилов, 2022 б]. Как следствие, употребление эрративов носит нерегулярный характер. Более того, эрративы, восходящие к одному нормативному написанию, находятся в отношениях свободного варьирования, из-за чего в одних и тех же условиях могут употребляться разные эрративные буквосочетания. Однако написание *типо* для обозначения служебного слова в речевой практике отдельных пишущих отличается нехарактерной для эрративов системностью: оно либо не встречается вообще, либо реализуется без исключений. Данный факт, как кажется, свидетельствует об автономности анализируемого написания; иными словами, пишущие, которые употребляют буквосочетание *типо*, воспринимают его не как эрративный аналог кодифицированного графического образа, а как отдельное написание, обозначающее отдельную лексическую единицу – служебное слово *типо*.

Самостоятельность написания *типо*, доказанная системностью его употребления, указывает на неосознанность его ошибочности. Но как может пишущий допустить ошибку в позиции теоретической орфограммы? Дело в том, что подробно описанный нами специфический процесс функционально-семантического развития анализируемых служебных единиц привёл к деактуализации их семантической связи с именем существительным *тип* в сознании носителей языка. Если лексические единицы, маркируемые в интернет-коммуникации эрративами, воспринимаются пользователями как новые функционально-семантические типы употребления соответствующих общепотребительных слов [Шипилов, 2021], то служебное слово *типа* и имя существительное *тип* в результате длинной цепочки как формальных, так и содержательных преобразований, несопоставимых по сложности с теми изменениями, которые пишущие обычно отражают с помощью использования эрративов, перестают осознаваться как однокоренные, утрачивая синхронную словообразовательную связь в сознании некоторых пишущих. Эта своеобразная «народная деэтимологизация» и становится причиной убеждённости большей части интернет-пользователей в существовании отдельного графического облика, который уже не должен походить на написание словоформы имени существительного. Так и возникает буквосочетание *типо*, закономерно образованное по аналогии с написаниями неизменяемых слов (*будто*, *только*, *тонко* и т. п.), о чём свидетельствуют многочисленные заявления самих пишущих: «Это новомодное слово от гламурных, придуманное народом. Поэтому если хотите сказать именно ТИПО, для отражения его значения (его значение близко к слову *как будто*, но слегка отгламурено), то смело пишите *типо*, ведь *как будто* тоже оканчивается на О, поэтому может в этих словах есть что-то общее» [Как пишется: ТИПО или ТИПА?].

Итак, анализируемая ошибка вызвана вовсе не сомнением при выборе буквенного знака, а, наоборот, лингвистически обусловленной уверенностью в том, что в данном случае должен быть применён дифференцирующий принцип орфографии, используемый для различения разных по значению, но фонематически идентичных слов [Мейеров, 1993]: в форме существительного пиши А, в служебном слове – О.

3. Заключение [Conclusion]

Итак, мы рассмотрели предлог и частицу *тина*, для письменного обозначения которых некоторые интернет-пользователи используют некодифицированный графический облик *типо*. Как выяснилось, обе анализируемые единицы перенимают от производящего слова *тип* идею соотнесения нескольких сущностей и их последующей группировки, однако, в отличие от имени существительного, выражают эту идею совершенно иным способом. Так, предлог *тина* используется в составе двух синтаксических конструкций: *Sx(что-то) тина Sy* и *Sx(что-нибудь) тина Sy*. Первая употребляется для отражения первоначальной идентификации нового явления с помощью его соотнесения с уже известным и, как показал компонентный анализ, имеет следующее значение: *Sx(что-то) тина Sy* = ‘*Sx*, среди всех *Sx* больше всего подобный *Sy*’. Вторая же используется для вербальной фиксации объединения некоторого явления с другими подобными сущностями в ситуационно сформированный открытый ряд и, согласно проведённому нами анализу, выражает следующее значение: *Sx(что-нибудь) тина Sy* = ‘*Sy* и/или другие *Sx*, подобные *Sy*’.

Частица *тина* имеет потенциально неограниченное количество функционально-семантических разновидностей, объединённых всё теми же идеями соотнесения и группировки нескольких сущностей. Мы описали шесть групп контекстов, для каждой из которых можно выделить относительно устойчивый тип употребления анализируемой частицы, основанный на специфике соотносимых сущностей и результата соотнесения.

Употребление анализируемых предлога и частицы отражает действие когнитивных механизмов соотнесения и группировки, неизменно актуальных для речемыслительной деятельности. Кроме того, предлог и частица *тина* – это дискурсивные слова, помогающие регулировать коммуникативный процесс, обеспечивающие его непрерывность. Так, в некоторых контекстах использование частицы *тина* свидетельствует о происходящем в определённый момент времени соотнесении ищущей выражения мысли с потенциальными языковыми формами её выражения. Данные особенности анализируемых единиц, резко отличающие их от производного имени существительного *тип*₁, стали главными причинами их частичной деэтимологизации и, а также обусловили высокую частоту употребления соответствующих предлога и частицы в неофициальном общении.

Как показал анализ материалов учебных пособий по орфографии, орфограмма на конце написания имени существительного *тип* в форме единственного числа, родительного падежа является теоретической и потому ситуация выбора буквы для обозначения соответствующего звука в слабой позиции в данном случае не воспринимается пишущими как проблемная. Впоследствии этот же статус унаследовала орфограмма на конце написания производного служебного слова. Однако некоторые пользователи, чьи сообщения вошли в контекстную базу, регулярно употребляют ненормативный графический облик *типо* для письменного обозначения анализируемых служебных единиц, при этом столь же системно демонстрируя корректное написание производящей формы существительного. Нехарактерная для эрративов регулярность в использовании ненормативного буквосочетания, с одной стороны, и его корреляция с функционально-семантическими особенностями служебного слова *тина*, с другой, позволили идентифицировать употребление буквы *О* в *типо* как неосознанную орфографическую ошибку, мотивированную интуитивной убеждённостью пишущего в существовании нового написания для обозначения новой, специфической лексической единицы, этимологически отделившейся от имени существительного *тип*₁ в сознании многих пишущих. Таким образом, те пользователи, которые реализуют в своей речи данное убеждение, апроприируют дифференцирующий принцип орфографии: в форме существительного пишется *А*, в служебном слове – *О*.

Результаты представленного в статье исследования могут быть использованы как для изучения других особых случаев взаимодействия графической и лингвистической

сторон виртуальной коммуникации, так и для составления более основательного, исчерпывающего описания проанализированных в данной статье лексических единиц. В частности, предложенные нами толкования могут лечь в основу словарных статей, посвящённых предлогу и частице *типа*.

В завершение работы считаю принципиально важным подчеркнуть, что если для пишущих некодифицированное написание *типо* стало следствием рассмотренных лингвистических изменений, то для данной статьи оно же послужило причиной формирования изначальной гипотезы. Любой факт отклонения от письменной нормы в интернете, каким бы тривиальным он ни представлялся, при внимательном рассмотрении может оказаться реакцией пишущих на актуальные изменения в системе языка. Если и до распространения интернета рядовой говорящий был склонен к отождествлению языка и письма (в значительной степени этому способствует преимущественно фонеморфемная природа русской орфографии), то в цифровой среде спаянность буквы и звука, слова и его написания становится ещё более отчётливой. Осваивая новые языковые средства, пишущие – намеренно или неосознанно – наделяют их собственно графической спецификой, которая в силу своей кажущейся непримечательности может долгое время оставаться непроницаемой для традиционных лингвистических подходов. Иными словами, иногда языковая интуиция пишущих взаимодействует с графической материей виртуального общения самым неожиданным образом. А значит, при изучении неофициальной интернет-коммуникации, всё ещё не до конца понятой и описанной, исследователям необходимо сохранять научный скепсис даже в тех случаях, когда всё кажется совершенно очевидным.

Библиографический список

- Арпентьева, 2018 – Арпентьева М. Р. Эративы «интернетояза» // Языки и литература в поликультурном пространстве / под ред. В. Н. Карпухиной. Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2018. № 4. С. 5–14.
- Баранов и др., 1993 – Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993. 207 с.
- Где-то, как бы, типа, 2023 – Где-то, как бы, типа // ГрамотаРу: Русский язык : справочно-информационный портал. URL : http://new.gramota.ru/spravka/trudnosti?layout=item&id=36_148 (дата обращения : 29.01.2023).
- Голев, 2013 – Голев Н. Д. Русская письменная разговорная речь и ее отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2013. № 5 (25). С. 12–30.
- Гусейнов, 2005 – Гусейнов Г. Ч. Берлога веблога. Введение в эратическую семантику. 2005. URL : http://speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm (дата обращения : 29.01.2023).
- Ильинская, 1995 – Ильинская И. С. Русский язык : учебник для 5 кл. средней школы. М. : МИКО Коммерческий вестник, 1995. 314 с.
- Кайдалова, Калинина, 1971 – Кайдалова А. И., Калинина К. И. Современная русская орфография. М. : Высшая школа, 1971. 387 с.
- Как пишется: *ТИПО* или *ТИПА*? – Как пишется: *ТИПО* или *ТИПА*? : Сервис вопросов и ответов «Большой вопрос». URL : <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1119452-kak-pishetsja-tipo-ili-tipa.html> (дата обращения : 29.01.2023).
- Карнуп, 2014 – Карнуп Е. В. Искажение орфографического облика слова как результат синтеза устной и письменной речи при русскоязычной коммуникации в Twitter // Научное мнение. № 3. С. 141–146.
- Кобозева, 2000 – Кобозева И. М. Лингвистическая семантика : учеб. пособие. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
- Лакофф, Джонсон, 1990 – Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой. М. : Прогресс, 1990. С. 387–415.
- Малых, 2014 – Малых Л. М. Сравнение как логическая основа обыденного и научного познания // Вестник РУДН. Серия: теория языка, семиотика, семантика. 2014. № 2. С. 5–14.

- Мейеров, 1993 – Мейеров В. Ф. Современное русское письмо: Обозначение звуков в слабых позициях : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1993. 216 с.
- Ожегов, Шведова, 1999 – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М. : Азбуковник, 1999. 944 с.
- Панов, 1964 – Панов М. В. И всё-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии, её достоинствах и недостатках. М. : Наука, 1964. 168 с.
- Разумовская, 1995 – Разумовская М. М. Русский язык : учеб. пособие для 5 кл. общеобразовательных учреждений. М. : Просвещение, 1995. 352 с.
- Розенталь и др., 2013 – Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по русскому языку: правописание, произношение, литературное редактирование. 9-е изд. М. : Айрис-пресс, 2013. 496 с. (От А до Я).
- Русский язык, 1990 – Русский язык : учебник для 5 кл. средней школы / М. Т. Баранов, Т. А. Ладыженская, Н. М. Шанский [и др.]. 19-е изд. М. : Просвещение, 1990. 318 с.
- СРЯ, 1999 – Словарь русского языка: В 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Русский язык, 1999.
- Служебные слова..., 2017 – Служебные слова в лексикографическом аспекте / Е. А. Стародумова, В. Н. Завьялов, Е. С. Шереметьева [и др.]. Владивосток, 2017. С. 74–99.
- ТСРЯ, 2008 – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. М. : Эксмо, 2008. 1136 с.
- Трофимова, 2011 – Трофимова Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. 2-е изд., испр. и доп. М. : РУДН, 2011. 436 с.
- Шереметьева, 2011 – Шереметьева Е. С. Отыменные релятивы современного русского языка : дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 ; Дальневосточный фед. ун-т. Владивосток, 2011. 407 с.
- Шипилов, 2022 а – Шипилов М. Ю. Функционально-семантические особенности предлога *туда* (на материале интернет-коммуникации) // Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов : сб. науч. ст. / отв. ред. Е. С. Шереметьева, Е. А. Стародумова, А. А. Анисова. Владивосток, 2022. С. 249–255.
- Шипилов, 2021 – Шипилов М. Ю. Эрративы в неофициальном интернет-общении: принципиальная инновация или закономерное проявление системности языка и письма? // Аспирантские чтения – 2021 : сб. материалов науч.-практ. конф. / под ред. Р. М. Валеева, А. Н. Николаевой. Казань : Изд-во Казанского фед. ун-та, 2021. С. 154–164.
- Шипилов, 2022 б – Шипилов М. Ю. Ненормативное написание лексической единицы как маркер ее семантической специализации (на материале эрративов *жоский* и *жоско* в неофициальной интернет-коммуникации) // Вестник Омского гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2022. № 3 (36). С. 130–137. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-36-130-137>
- Шутилова, Ахметьянова, 2016 – Шутилова Н. Н., Ахметьянова Н. А. Эрративы в современном русском языке // Актуальные проблемы современной татарской филологии : материалы III Всероссийской науч.-практ. конф. / отв. ред. И. Ф. Зарипова. Уфа : Изд-во Башкирского гос. ун-та, 2016. С. 420–422.

References

- Arpent'eva, M. R. (2018). Errativy «internetoyaza» [Erratives of online language]. In V. N. Karpukhina (Ed.), *Yazyki i literatura v polikul'turnom prostranstve* [Languages and literature in polycultural space] (Vol. 4, pp. 5–14). Barnaul : Altai University Press. (In Russ.).
- Baranov, A. N., Plungyan, V. A., Rakhilina, E. V. (1993). *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [Guide to discourse markers of Russian]. Moscow. (In Russ.).
- Gde-to, kak by, tipa [Somewhere, sort of, kind of] . (n. d.). Retrieved January 29, 2023 from <http://new.gramota.ru/spravka/trudnosti?layout=item&id=36_148>. (In Russ.).
- Golev, N. D. (2013). Russkaya pis'mennaya razgovornaya rech' i ee otrazhenie v obydenom metazykovom soznanii uchastnikov virtual'noy kommunikatsii [Russian colloquial written speech and the reflection of its modern state in the ordinary metalanguage consciousness of virtual

- communication participants]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 5 (25), 12–30. (In Russ.).
- Guseynov, G. Ch. (2005). *Berloga vebloga. Vvedenie v erraticheskuyu semantiku* [The lair of weblog. Introduction to the semantics of erratives]. Retrieved January 29, 2023 from <http://speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm>. (In Russ.).
- Il'inskaya, I. S. (1995). *Russkiy yazyk* [The Russian language]: A coursebook for the 5th grade of High School]. Moscow : MIKO Kommercheskiy vestnik Press, (In Russ.).
- Kaydalova, A. I., Kalinina, K. I. (1971). *Sovremennaya russkaya orfografiya* [Contemporary Russian orthography]. Moscow : Vysshaya shkola Press. (In Russ.).
- Kak pishetsya: TIPO ili TIPA? [How to spell: TIPO or TIPA?]. (n. d.). Retrieved January 19, 2023 from <<http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1119452-kak-pishetsja-tipo-ili-tipa.html>>. (In Russ.).
- Karnup, E. V. (2014). Iskazhenie orfograficheskogo oblika slova kak rezul'tat sinteza ustnoy i pis'mennoy rechi pri russkoyazychnoy kommunikatsii v Twitter [Spelling deviations due to oral speech influence on Russian-language written communication on Twitter]. *Nauchnoe mnenie* [The Scientific Opinion], 3, 141–146. (In Russ.).
- Kobozeva, I. M. (2000). *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]: A coursebook. Moscow : Editorial URSS Press. (In Russ.).
- Lakoff, G., Johnson, M. (1990). Metafori, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]. In N. D. Arutyunova (Ed.), *Teoriya metafori* [Theory of metaphor] (pp. 387–415). Moscow : Progress Press. (In Russ.).
- Malykh, L. M. (2014). Sravnenie kak logicheskaya osnova obydennoy i nauchnoy poznaniya [Comparison as a logical framework for everyday and scientific thinking]. *Vestnik RUDN (seriya: teoriya yazyka, semiotika, semantika)* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2, 5–14. (In Russ.).
- Meyerov, V. F. (1993). *Sovremennoe russkoe pis'mo: Oboznachenie zvukov v slabykh pozitsiyakh* [Contemporary Russian writing: Designation of sounds in weak positions]: A coursebook. Irkutsk : Irkutsk State University Press. (In Russ.).
- Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (1999). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory dictionary of Russian language: 80 000 words and idioms]. Moscow : Azbukovnik Press. (In Russ.).
- Panov, M. V. (1964). *I vse-taki ona khoroshaya! Rasskaz o russkoy orfografii, ee dostoinstvakh i nedostatkakh* [And yet it's good! A story of Russian orthography, its advantages and disadvantages]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Razumovskaya, M. M. (1995). *Russkiy yazyk* [The Russian language]: A coursebook for the 5th grade of High School]. Moscow : Prosveshchenie Press. (In Russ.).
- Rozental', D. E., Dzhandzhakova, E. V., Kabanova, N. P. (2013). *Spravochnik po russkomu yazyku: pravopisanie, proiznoshenie, literaturnoe redaktirovanie* [Handbook on the Russian language: Spelling, pronunciation, editing]. Moscow : Ayris-press Press. (In Russ.).
- Baranov, M. T., Ladyzhenskaya, T. A., Shanskiy, N. M., Trostentsova, L. A., Deykina, A. D. (1990). *Russkiy yazyk* [The Russian language]: A coursebook for the 5th grade of High School]. Moscow : Prosveshchenie Press. (In Russ.).
- Evgen'eva, A. P. (Ed.). (1999). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]: In 4 volumes. Moscow : Russkiy yazyk Press. (In Russ.).
- Starodumova, E. A., Zav'yalov, V. N., Sheremet'eva, E. S., et al. (2017). *Sluzhebnye slova v leksikograficheskom aspekte* [Functional words in lexicographical aspect]. Vladivostok : Far Eastern Federal University Press. (In Russ.).
- Sklyarevskaya, G. N. (Ed.). (2008). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka. Aktual'naya leksika* [Explanatory dictionary of Russian language of the beginning of the 21st century. Relevant vocabulary]. Moscow : Eksmo Press. (In Russ.).
- Trofimova, G. N. (2011). *Yazykovoy vkus internet-epokhi v Rossii. Funktsionirovanie russkogo yazyka v Internete: kontseptual'no-sushchnostnye dominanty* [Linguistic taste of the online era in Russia. Functioning of the Russian language on the Internet: Conceptual and essential dominants]. Moscow : RUDN Press. (In Russ.).

- Sheremet'eva, E. S. (2011). Otymennye relyativy sovremennogo russkogo yazyka [Relative words derived from nouns in contemporary Russian]. PhD in Philological sci. diss. Vladivostok : Far Eastern Federal University. (In Russ.).
- Shipilov, M. Yu. (2022). Funktsional'no-semanticheskie osobennosti predloga tipa (na materiale internet-kommunikatsii) [Functional-semantic features of preposition tipa (Based on the material of online communication)]. In E. S. Sheremet'eva, E. A. Starodumova, A. A. Anisova (Eds), *Russkaya grammatika v dialoge nauchnykh shkol, napravleniy, metodov : sbornik nauchnykh statey* [Russian grammar in the dialogue of scientific schools, trends, methods] (pp. 249–255). Vladivostok : Far Eastern Federal University Press. (In Russ.).
- Shipilov, M. Yu. (2021). Errativy v neofitsial'nom internet-obshchenii: prin-tsipial'naya innovatsiya ili zakonomernoe proyavlenie sistemnosti yazyka i pis'ma? [Erratives in informal online communication: fundamental innovation or logical display of systemic nature of language?]. In R. M. Valeev, A. N. Nikolaeva (Ed.), Proc. *Aspirantskie chteniya – 2021* [Postgraduate readings – 2021] (pp. 154–164). Kazan : Kazan Federal University Press. (In Russ.).
- Shipilov, M. Yu. (2022). Nenormativnoe napisanie leksicheskoy edynitsy kak marker ee semanticheskoy spetsializatsii (na materiale errativov zhoskiy i zhosko v neofitsial'noy internet-kommunikatsii) [Misspelling of a lexical unit as a marker of its semantic specialization (Based on erratives zhosky and zhosko in informal online communication)]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research], 3 (36), 130–137. (In Russ.). <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-36-130-137>
- Shutilova, N. N., Akhmet'yanova, N. A. (2016). Errativy v sovremennom russkom yazyke [Erratives in contemporary Russian language]. In I. F. Zaripova (Ed.), *Aktual'nye problemy sovremennoy tatarskoy filologii : materialy III Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Current issues of contemporary Tatar philology] (pp. 420–422). Ufa : Bashkir State University Press. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 30.01.2023; одобрена после рецензирования 06.07.2023; принята к публикации 25.08.2023.
The article was submitted 30.01.2023; approved after reviewing 06.07.2023; accepted for publication 25.08.2023.